

СИМОН СОЛОВЕЙЧИК

УНИКАЛЬНЫЕ
СТАТЬИ
О ВОСПИТАНИИ

Непрописные ИСТИНЫ ВОСПИТАНИЯ

Как воспитывать ребенка

Симон Соловейчик

**Непрописные истины
воспитания. Избранные статьи**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 37.01
ББК 74.9

Соловейчик С. Л.

Непрописные истины воспитания. Избранные статьи /
С. Л. Соловейчик — «Издательство АСТ», 2019 — (Как
воспитывать ребенка)

ISBN 978-5-17-113656-7

Симон Соловейчик – педагог, писатель, журналист, автор книг-бестселлеров для детей и родителей. Целое поколение мам и пап воспитывали детей по знаменитой книге «Педагогика для всех». А многие взрослые вспоминают, как сами они вырастали по книге-самоучителю «Учение с увлечением», которую и сегодня считают главной книгой своего школьного детства. «Непрописные истины воспитания» – это собрание уникальных статей о семейном воспитании, каждая из которых – педагогическое открытие в отношениях детей и взрослых. Эти открытия позволяют избежать драматических и порой непоправимых ошибок в воспитании детей.

УДК 37.01
ББК 74.9

ISBN 978-5-17-113656-7

© Соловейчик С. Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
I. Воспитывать. Просто любить? Ловушки, в которые мы попадаем	8
Тайны детской любви	8
Выбирая между воспитанием-да и воспитанием-нет	10
А что, если быть построже к себе?	11
Когда сердце обманывает	13
Высокие цели и... подручные средства	16
II. Душа не поддается управлению. Или почему дети нас не слушаются	20
Кое-что о святых	20
Воспитание без воспитания	22
«Не учите меня жить!»	24
Уровень справедливости	28
Все начинается с веры	29
III. Очевидное – неочевидное. От чего зависит результат наших педагогических усилий	33
Воспитание духа	33
До свадьбы заживет	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Симон Соловейчик
Непрописные истины
воспитания. Избранные статьи

© Соловейчик С. Л., наследники, 2019

© Русаков А., предисловие

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Предисловие

В семидесятые-восемидесятые годы прошлого века Соловейчик стал едва ли не самым знаменитым «писателем для родителей». Даже возникла особая категория людей – тех, кто считал, что воспитывает детей «по Соловейчику», так же как другие воспитывали «по доктору Споку».

Но воспитание «по Соловейчику» вряд ли укладывалось в методическую систему. Дело все-таки было не в том, чтобы мы становились очень озабочены тем, как детей баловать, или решали не учить их вежливости. Нам лишь показывали, что вопреки всем привычным представлениям можно поступать и так – и беды не будет. А можно вести себя и более привычно, и это тоже не обязательно окажется ошибкой.

Каждое печатное выступление Соловейчика приоткрывало дорогу к какому-то более глубокому, целостному взгляду на вещи, на отношения людей, на мир детей, на себя самого.

И сегодня «родительская» публицистика Соловейчика словно демонстративно противостоит всему массиву советов для родителей и инструкций по правильному воспитанию детей: «К разочарованию многих, педагогика общения утверждает, что никакого “правильного” голоса, тона, способа, приема нет... Что все зависит от того, что за человек отец, насколько доверяет ему мальчик, как сложились их отношения...»

Эту педагогику спрашивают: «Как сделать?», а она отвечает вопросом: «А что вы за человек?»

Любую проблему с детьми обычно хочется перевести в управленческую задачу: «Что с ними надо сделать, чтобы они...» А Соловейчик доказывает, что в отношениях с детьми управленческая логика до добра не доводит; что нам суждено решать не арифметические примеры, а системы уравнений со многими неизвестными: «Каждый раз, когда возникает затруднение с детьми, мы должны искать выход – ну точно так же, как если бы мы решали математическую задачу. Мы не можем списать ответ, не можем, рассердившись, разорвать негодный учебник на части, не можем выбрать себе другую задачу, полегче. Нам задана именно эта, и мы должны над ней мучиться, пока не решим!»

У подобной «алгебры» свои вполне строгие законы – но их, увы, не свести к рецептам и алгоритмам.

Статьи в газете «Неделя» у Симона Соловейчика выходили шестнадцать лет – первая в 1970-м, последняя – в 1986-м, со средним интервалом года в полтора.

Однако большая часть этих статей выстраивается так, словно их писали друг за другом. Они движутся единым смысловым сюжетом и общей интонацией, выглядят регулярной газетной рубрикой. Регулярная рубрика, выходившая раз в полтора года!

Но о причинах именно такой регулярности можно догадаться. Ведь большинство из этих статей становилось едва ли не поводом для маленьких революций в правилах семейной жизни.

«Нередко мы воспитываем детей по принципу “так принято”. Однако не все “принятое” разумно. Вдруг оказалось, например, что малыша можно сначала учить плавать, а потом уже ходить... Кто мог ожидать такого поворота?»

Подобным скромным образом начинал разговор Соловейчик, а потом «брал на себя смелость» ставить под сомнение, казалось бы, бесспорные истины: а надо ли учить детей вежливости? а действительно ли детей вредно баловать? а на самом ли деле «если просто любить, сердце не обманет?»

И приходил к выводам, выглядевшим тогда невероятными: детей баловать необходимо!

А вежливости учить – не обязательно.

А сердце еще как может подвести... А значит...

Для многих читателей-родителей размышления над той или иной из этих статей стали переворотом в «домашнем» мировоззрении.

А для статей-переворотов полтора года разве большой интервал?

Статьи Соловейчика были обращены к вполне конкретным «трудным» темам в отношениях между взрослыми и детьми. Но из разрозненного рассмотрения отдельных «смысловых узлов» выветливается узнаваемый каркас великой книги «Педагогика для всех».

Саму же «Педагогику для всех» – в год ее выхода в свет – Соловейчик представил в журнале «Семья и школа» под рубрикой «Непрописные истины воспитания» (эти избранные им фрагменты завершают большинство разделов нашего сборника).

Книга, создававшаяся в неторопливые семидесятые, вышла в свет в 1987 году, когда время стремительно убыстрялось.

И если статьи в «Неделе» были семейным прологом «Педагогики для всех» в неторопливые семидесятые годы, то десятилетие спустя серия коротких статей в журнале «Новое время» обернула ее жесткими, афористичными общественно-публицистическими резюме эпохи непредсказуемых перемен.

«Младший мир». Такую рубрику вел Соловейчик в «Новом времени» с 1988 по 1992 год – до тех пор, пока не создал «Первое сентября».

В последние годы перестройки бурлящему советскому обществу было совсем не до детских забот. Странички Соловейчика в «Новом времени» выглядели отчаянной попыткой не просто напомнить о пространстве взросло-детских отношений, но прочно увязать его, соотнести с теми противоречивыми сдвигами миропонимания, которые затрагивали каждого человека той эпохи. Закрепить память о детстве в будущей системе общественных ценностей...

Интуитивное знание этого, способность ощущать или сознавать многомерность проблем «младшего мира» (и узнаваемо вечных, и вроде бы новых, внезапных) оказываются важнейшей стороной культурного слоя «взрослого мира». Слоя, который трудно накапливается и довольно легко размывается.

И пока читаешь Соловейчика, постепенно понимаешь, что в том или ином характере перемен в отношениях «взрослого» мира с «младшим» и скрыт ключ к перспективам самого мира взрослых: «Ведь воспитывается не тот, кто любим, а тот, кто любит...»

Андрей Русаков

...А может, когда-нибудь создадут мир без бюро ремонта? Мир, не нуждающийся в исправлениях и в переделках! Сделали вещь – она и служит. Вырастили человека – он и живет. Чтобы даже идеи такой не было – идеи ремонта, исправления ошибок. Идеи перевоспитания.

Тысячу раз приходилось отвечать на вопросы о воспитании, и все вопросы до одного – все! – ремонтного свойства: как исправить?

За всю жизнь меня ни разу не спросили: как сделать?

«Как исправить?» – спрашивают родители. Но на все эти вопросы я могу дать один ответ: «Никак. Лучше поговорим о том, как сделать, чтобы ничего в ребенке не пришлось исправлять».

Выражение «никогда не поздно», редко приложимое к вещам, является абсолютной истиной в отношении к детям: никогда не поздно.

Симон Соловейчик

I. Воспитывать. Просто любить?

Ловушки, в которые мы попадаем

Тайны детской любви

Весь диапазон родительских высказываний о воспитании детей укладывается в пространство между двумя примерно такими фразами: «Что мудрить? Ребенка надо просто любить» и «Что мудрить? Дать ему как следует, чтобы знал!»

В нашем сознании битье детей и учение детей прочно связаны. Если отец бьет маленького сына, а тот плачет, то на вопрос: «Что там происходит?» – могут ответить: «Ничего, отец сына учит». Просторечное выражение «вложить ума» означает «избить».

Народная педагогика так же проста, как и груба. Но она в нашем общем сознании и подсознании, и потому так медленно прививается гуманное отношение к детям. Перемена педагогических взглядов дается едва ли не труднее, чем перемена мировоззрения или даже характера. Ведь представление о воспитании – самое первое представление человека о человеке. Образ воспитания, дурного или хорошего, создается так рано, что наши собственные педагогические идеи кажутся нам чуть ли не врожденными.

О том, как опасно бить детей, пишут много и часто. Проблема домашнего жестокого обращения с детьми занимает сегодня весь мир. Рассказывают леденящие душу истории. Однако многим кажется, будто не жестокое, а «с умом» избиение не принесет ребенку вреда, но делает его послушнее. При этом говорят, что детей пороли с незапамятных времен и ничего с ними не случилось.

Но в незапамятные времена битье детей было общим обычаем, в маленьких народных школах по субботам секли всех подряд ни за что, без провинностей – так было принято. Теперь же отец, ударивший ребенка, воспринимается им, ребенком, как дурной человек. Нам кажется: ничего, вырастут – поймут, забудут. Но они не забывают, они помнят, как помнит все побои и унижения каждый взрослый человек. Вот одно из самых опасных педагогических рассуждений: «Меня били, и я буду бить». В результате получается, что иные родители оставляют своим детям лишь одно наследство – привычку бить детей. Кто бьет сына, тот бьет и не родившихся еще внука и правнука. Как прервать эту эстафету насилия, уходящую в будущее? Лишь одним способом – самому отказаться от воспитания битьем.

Но и тех, кто придерживается взгляда «только любовью», поджидают свои опасности.

Принято говорить, что любовь должна быть мудрой: мол, люби, но в меру. Однако истинная любовь трудно соединяется с расчетом и даже с разумом, со словами «надо» и «должно».

Действительная сложность отношений между родителями и детьми в том, что результат этих отношений, результат воспитания зависит не от того, насколько родители любят своих детей (как почти все думают), а от того, насколько дети любят своих родителей.

Чужая любовь не воспитывает, даже родительская. Для воспитания человека важно не столько отношение людей к нему, сколько его собственное отношение к людям. Этим объясняется, отчего в самом дурном обществе, где все поедом едят друг друга, тем не менее всякой логике вопреки вырастают иногда прекрасные люди.

Воспитывается не тот, кого любят, а тот, кто любит. Когда молодая мама отдает все силы только что родившемуся ребеночку и смотрит на него с нежностью – вот она-то и воспитывается. Он ее воспитывает, этот шестинедельный педагог! Недавно очень молодая мама сказала мне с восторгом: «Сыну уже шесть недель! Я и не заметила, как они пролетели!» Сын совер-

шил педагогическое чудо: за шесть недель существования почти полностью переменял характер своей мамы, добился от нее того, чего ее родители двадцать лет не могли добиться...

Для жизни, для поддержания духа нам нужна наша собственная любовь к детям, без нее детей не поднять. Нелюбимые дети становятся невыносимо надоедливыми – как, впрочем, и нелюбимые женщины, и, наверное, мужчины. Но для воспитания нам надо, чтобы дети любили нас.

А точнее – чтобы они любили хоть кого-нибудь, чтобы они вообще были способными любить.

Способность любить – человеческое свойство, быть может, первой важности. Подростков-преступников обычно спрашивают, читают ли они книги и занимаются ли они спортом; получается – нет, не читают и не занимаются; из этого делают выводы о необходимости строить больше стадионов. Но в мире есть страны, где и стадионов много – и уровень преступности не ниже нашего. Мальчика стоило бы спросить: кого ты любишь? Боюсь, что ответ будет печальным: никого.

Но как вызвать в ребенке это драгоценное чувство, как развить важнейшую душевную способность – способность любить? Вот где нужен был бы рецепт или хотя бы дельный совет!

Размышляя о воспитании детей, постепенно добираться до этого ядра педагогики и останавливаешься в недоумении. Спорят о происхождении жизни на Земле, о том, самозарождается она или занесена из других миров... Но вторая, аналогичная по таинственности и по важности, тайна почти никого не интересует – тайна зарождения любви в человеческом сердце, в детском сердце. Объяснения вроде «Я люблю родителей за то, что они добрые» лишь прячут тайну, потому что на самом деле сначала – полюбила, потом нашлись причины, если они понадобились. Чем больше думаешь, тем сложнее все становится, и начинаешь понимать, отчего люди в древности объясняли зарождение любви стрелой Амура. Это и сейчас наиболее достоверное из всех объяснений...

Единственное, что я могу сказать, состоит в том, что любовь рождается от радости. Радуйте ребенка, радуйтесь вместе с ним – и он научится любить. Недаром ведь в сказке о царевне Несмеяне отец безрадостной девушки, которая никого не любила, готов был полцарства отдать тому, кто обрадует его дочь.

В конечном счете самое-самое в воспитании – это детская радость.

Выбирая между воспитанием-да и воспитанием-нет

В воспитании детей два вечных лагеря, две стойкие партии, два противоположных мировоззрения.

И это разделение больше значит для реального мира, чем, например, воинственная борьба материализма и идеализма. Что первично – материя или дух? Это, в общем-то, чисто философский вопрос; но как воспитывать своих детей, к какому лагерю воспитателей прикнудить – вопрос практический, он не для философов, а для миллионов. Вопрос, от решения которого зависят судьбы людей, поколений, народов и человечества, потому что в конечном счете это вопрос о насилии и ненасии – что победит?

Старый, вечный спор: воспитание-да или воспитание-нет? Воспитание поддержкой, одобрением, принятием и терпением или воспитание строгостью, надзором, наказанием?

По давней традиции воспитание-да считается новым, а суровое, карательное воспитание-нет – старым, обычным, естественным. По одному исследованию, проведенному в США, старого воспитания придерживаются больше половины родителей, нового – меньше половины, хотя вот что интересно: цели и у тех и у других примерно одинаковы.

Но результаты воспитания строго зависят не от целей, а от средств.

Каково положение у нас – неизвестно; кроме того, у разных народов, населяющих нашу страну, разные традиции. Но я знаю из собственного опыта, что если написать статью с призывом баловать детей, то половина читателей пришлет письма со словами: «Вот-вот! Я тоже так думаю! Спасибо!», а другая половина – обвинит в намерении погубить поколение, не иначе. Переход от старого воспитания к новому, от воспитания-нет к воспитанию-да совершается неимоверно трудно, и порой начинаешь сомневаться: а возможен ли он для отдельного человека? Кажется, легче ему в другую веру перейти, чем хоть немного сдвинуться в педагогических своих взглядах.

Вот уже век или больше вся педагогическая литература, какая только есть, пропагандирует положительное воспитание; особенно настаивают на нем психологи и социологи, проводившие массовые исследования результатов воспитания; находятся новые и новые доводы в пользу воспитания-да – и все почти без толку.

Но если взглянуть на дело поглубже, то окажется, что речь идет не о том, что разрешать и что запрещать, не о дисциплине, не о послушании, не о попустительстве и безнаказанности – совсем о другом: о воспитании богатом, содержательном и пустом, бедном, безнравственном.

Об этом очень точно писал польский педагог Януш Корчак: «Если хочешь быть надзирателем, можешь ничего не делать... Для внешнего порядка, внешних хороших манер, дрессировки напоказ нужны лишь твердая рука и многочисленные запреты... Чем скуднее духовный уровень, чем бесцветнее нравственный облик, тем больше забота о собственном покое и удобствах, тем больше запретов и приказаний, продиктованных мнимой заботой о ребенке».

С этим встречаешься на каждом шагу. Для воспитателя-нет всегда все ясно, он точно знает, чего нельзя разрешать детям, да и кто этого не знает? Он никак не может понять, чего от него хотят, почему с ним спорят, разве он говорит не очевидное? Разве детям можно позволять делать все, что они хотят?

И никак не докажешь, что когда отношения с детьми поднимаются на более духовный уровень, когда дети чувствуют в родителях стремление к правде и добру, то проблемы дисциплины, наказаний и безнаказанности и в самом деле становятся второстепенными.

Переходите в новую педагогическую веру, на сторону нового воспитания – воспитания-да, и вы увидите, насколько лучше вам будет с детьми!

А что, если быть построже к себе?

По общепринятому мнению, в семье воспитывают родители, а дети воспитываются. Но воспитание – это прежде всего общение, а общение – процесс двусторонний. Внимательнее приглядимся к тому, что реально происходит в семье, и мы заметим: дети в какой-то степени воспитывают нас. Они меняют наши взгляды, заставляют делать ради них такое, что мы никогда не сделали бы ради себя, приучают смотреть на мир и их глазами.

Способны ли мы понять это? Способны ли «начать учиться, чтобы учить», заново и остро пережить свое детство, потом отрочество, потом юность? Ведь от этого зависит счастье наших детей.

Человека создает чувство ответственности. Это чувство полностью созревает с появлением ребенка. Чувство ответственности перед ребенком – двигатель воспитания, но в то же время оно в чем-то может быть и тормозом. Когда ответственность гнетет нас, она сковывает наши способности.

Первый урок, который преподают нам дети (если только мы способны воспринять его), заключается в том, что мы должны выступать перед ними не как воспитатели, а просто как обычные люди. Воспитание не терпит нарочитости.

С той минуты, когда человек ощущает себя вполне взрослым (а это бывает примерно на пятом-шестом году жизни), он любит, чтобы его учили, но не терпит воспитания. Мать подмечает малейшую погрешность в поведении дочери и громогласно объявляет ей об этом. Но дочь в такие минуты чувствует точно то же самое, что чувствовала бы мать, если бы замечания ей делала дочка или соседка по квартире. Вы любите выслушивать замечания? Делайте замечания детям на каждом шагу. Не любите? Воздержитесь от придирок.

Можно заметить, что иные родители особенно старательно воспитывают у детей как раз те качества, которых им самим не хватает. Кто больше всех печется о бережливости, ругает и наказывает детей за небрежность в одежде? Тот, кто сам чувствует за собой подобный недостаток. Когда мы не в силах справиться с собственными проблемами, мы склонны перекладывать их на детей. Это очень облегчает нашу жизнь и нашу совесть, но ничуть не продвигает вперед дело воспитания.

Сколько бы ни призывал детей к бережливости человек, который сам не обладает этим качеством, его усилия не дадут результатов. Если же отец и мать действительно аккуратные, им вовсе не приходится прилагать специальных усилий – дети их непременно вырастут аккуратными. Наши дети хуже, чем нам хотелось бы, – значит, мы сами хуже, чем думаем о себе. У нас нет другого пути воспитания хороших детей, кроме одного: перевоспитываться самим. Каждый раз, когда мы замечаем какой-то недостаток в характере или в поведении сына, стоит задуматься: чей это недостаток? Сына или ваш? Задуматься, чтобы направить воспитательные усилия по адресу...

Я знаю двух прекрасных молодых людей. Один отличается завидным трудолюбием, другой – готовностью бескорыстно прийти на помощь. Я расспрашивал, как их воспитывали. Первый сказал:

– Никак меня не воспитывали. Но каждый раз, когда я ночью случайно просыпался, я видел свет из-под двери в комнату отца. Он всегда работал.

Второй сказал:

– Я тоже не помню, чтобы меня как-то воспитывали. Просто мама была врачом скорой помощи, и редко-редко проходила ночь, чтобы в нашу квартиру не позвонил какой-нибудь совершенно чужой человек и чтобы она не встала и не поехала на помощь...

Однако, чтобы не получилось, что автор слишком много взваливает на родителей, расскажу и третью историю, юмористическую.

Один известный ученый, академик, недоумевал, зачем детей в школе учить иностранному языку.

– А как же? – изумился я.

– Учить французскому должен отец за обедом, – сказал академик, сын академика.

На первый взгляд кажется, что воспитывать детей легче, чем воспитываться самим; но это самообман. Воспитывать детей, не воспитываясь самим, невозможно. В одной из самых ранних своих статей – «История французской эскадры» – К. Ушинский дал описание воспитательных возможностей человека.

«Мы учимся тремя путями, – писал он. – Или путем опыта и собственного наблюдения – путем, ведущим к прочным, но скудным результатам... или нас учат другие: этим путем мы приобретаем менее, чем обыкновенно полагают; или, наконец, мы учимся, подчиняясь бессознательно влиянию сильнейших, уже образовавшихся характеров. Образование, передаваемое этим последним путем, едва ли не самым быстрым, ведет к изумительным результатам. Оно действует не на ум человека, медленно усваивающий новое, но на самый центр человеческой природы, на тот таинственный узел, которым связываются душа и тело...»

Когда нас учат (воспитывают) другие, мы приобретаем менее, чем обычно полагают; характер воспитывается только характером, воля – волей, убеждения – убеждениями. Этот жестокий закон не знает милосердия. Все, что нужно для характера ребенка, – это чтобы рядом с ним, перед ним был сильный характер взрослого.

Людям свойственно объяснять сложные явления слишком простыми причинами. Если в каком-то поселке много пьют, то говорят, что из-за отсутствия клуба, хотя в соседнем поселке не клуб, а дворец, но пьют там так же. Если ребенок невоспитан, говорят, что виной тому отец, который «мало занимается детьми». Но во многих семьях специально на воспитание почти не тратят времени – и все же дети вырастают прекрасные.

Мы строги к детям и снисходительны к себе. Дети, кажется нам, специально для того и созданы, чтобы удовлетворить наши воспитательные способности, в том числе и мнимые. А что, если быть построже к себе?

Когда сердце обманывает

Кажется очевидным: надо любить детей, надо просто любить детей. Слушайся своего сердца, оно не подведет!

Подведет, еще как может подвести... Память чувств – самая древняя память. Мысли могут быть новыми хоть каждый день, а чувства складываются, воспитываются, созревают и сохраняются веками, иначе мы давно забыли бы Гомера и Шекспира. Наше чувство любви к детям развивалось во времена, когда отец и мать мало занимались бытом, уходом за ребенком. В прежние времена и в обеспеченных семьях, и в бедных, и в городских, и в крестьянских – всюду кто-нибудь помогал матери. Или у нее было много детей (и следовательно, были помощники), или, на худой конец, дети росли как трава. В селе же не семья воспитывала ребенка, но всем миром его поднимали – рос на виду у всех.

Сейчас и быт, и семейное воспитание легли на плечи родителей или даже одной мамы. Но уход за ребенком требует такого сосредоточения, напряжения, что выдерживают лишь самые талантливые из нас. За всеми этими тягучими завтраками, макаронами, сборами на прогулку любовь теряется, а укладывая спать двухлетнего мальчика, можно и возненавидеть его. Любовь, всесильная в стихах, песнях и операх, любовь, способная сдвинуть горы, подчас отступает перед детской привычкой ковырять в носу. На троллейбусной остановке мама говорит маленькой дочке: «Врезать тебе или сама догадаешься?» – девочка поднесла палец к носу. Вы подумайте – «врезать»!

Спросите маму – она уверена, что обожает девочку, ведь она столько сил тратит на нее! Но она не гладит дочь, не поет ей песни, а если и читает книжки – строгим голосом, «для развития», так что и милейший Винни-Пух девочке не в радость. Я сейчас не о том, чтобы облегчить домашний труд женщины, не о производстве стиральных машин и порошков. Я о том, чтобы понимать и коварство собственного сердца, знать о капканах, ожидающих нас на дорогах воспитания, чтобы не попадаться в них, не винить себя, не винить детей, но в тех условиях, какие есть, все-таки стараться помогать своему сердцу, все-таки любить ребенка – может быть, и в ущерб уходу за ним. Иначе он растет сытый желудком, но голодный душой и духом.

Воспитание одного-двух детей, да еще в городе с его опасностями, не может не породить слепого страха за ребенка. Что ж, любовь всегда связана со страхом за любимого, любовь и страх на одном стволе растут.

Но вот явление, не новое по сути, однако новое по распространенности: страх за детей не просто сопутствует любви к ним, но вытесняет ее – и тем не менее выдается и принимается за любовь! Маме кажется, что если она боится за дочку или сына (чуть ли не умирает, когда их полчаса нет дома), значит, она любит. Страх кажется ей доказательством любви. На самом деле страх вовсе не есть любовь, как не любовь – ревность. Любовь – это освобождающее, окрыляющее человека чувство, а не угнетение. Любовь – это «Иди!», а не «Стой!».

В прежние времена сердце матери училось любить, когда детей у нее росло много. Смерть младенца была великим горем, но оставались и другие дети. Сейчас младенец часто один, как свет в окне. В знаменитом «Эмиле» Жан-Жака Руссо воспитатель соглашался взять на себя заботы о мальчике при условии, что не будет отвечать за его жизнь. Современный читатель содрогается: то есть как это? Но если постоянно боишься, то вырастить мужчину трудно.

Все это надо знать! Иначе мама невольно становится деспотом, и ребенку ни вздохнуть ни охнуть. Уж лучше наказание – рано или поздно ребенок взбунтуется и освободится от него. А против маминого: «Ты же знаешь, как я за тебя беспокоюсь! Ты что, убить меня хочешь?» – как против этого взбунтуешься? Все чувства шиворот-навыворот, все извращено, перекошено, и ссыхается душа ребенка. А мама между тем искренне любит!

«Люблю – значит желаю ему добра». Поначалу, наверное, так и было, но присмотримся: чаще всего мы видим перед собой не того ребенка, который есть, со всеми его недостатками и несовершенствами, а другого, совершенного! И не об этом мальчике заботимся, а о другом, которого и на свете-то нет и, скорее всего, не будет. Мама, завертывая ребеночка в первую пеленку, уже думает о том, как бы это его так завернуть, чтобы он в будущем... поступил в институт.

– И что из тебя вырастет? – под этот аккомпанемент живут почти все дети, хотя решительно никто не знает, в какой связи находятся сегодняшние недостатки ребенка с его будущими достоинствами, и наоборот. Предполагать, что если сегодня при гостях малыш ляжет позже спать, то у него разовьется дурная привычка не ложиться спать, а также привычка непослушания, и он вырастет тунеядцем – сочинять всю эту цепь будто бы возможных причин и следствий – чистая нелепица, чистая фантазия разбушевавшегося чувства ответственности, опять-таки принимаемого за любовь.

Месяца за два до родов сидит женщина и горько плачет. Что такое?

– Да-а, – всхлипывает, – а вдруг мальчик будет?

– Так что же? Что плохого?

– Да-а, – продолжает она рыдать, – ма-а-мальчик! А мальчики знаете какие? Будет кошек мучить! А я не хочу-у-у!..

Где тот еще не родившийся маленький злодей? Где кошка-жертва? А слезы – сегодняшние, а горе – настоящее. И давит человека чувство ответственности, непосильное, непривычное (никогда прежде не приходилось ей ни за кого отвечать всерьез!). Со всех сторон слышит будущая мама всякие ужасы, и когда родится ребеночек, то все будет казаться, будто она должна постоянно и немедленно «что-то делать», «принимать меры», а иначе будет поздно, иначе что из него вырастет! Призывы к родительской ответственности довольно часто приводят к результату, прямо противоположному тому, которого мы желаем. До безответственных родителей (их немало) призывы эти, как правило, не доходят, зато у людей с чувством ответственности оно, это чувство, под влиянием хмурой пропаганды разрастается настолько, что подавляет порой и здравый смысл, и все другие чувства, в том числе и любовь. Одна и та же мера может идти и на пользу ребенку, и во вред ему. Если я сижу рядом с второклассником и помогаю ему делать уроки – одно дело. А если сижу и тычу пальцем в тетрадь: «Учись, тупица! Что из тебя вырастет?» – совсем другое. Ребенка воспитывает не помощь, но то, что за помощью, с каким чувством беремся мы помогать – с любовью или из одного только сознания долга.

Стали писать: вот, женщина всю жизнь работает у себя на огороде, старая уже, больная, но продолжает надрываться – труженица! А дочка у нее – вся в золоте, и юбка-то у нее на пять ладоней над коленками (подсчитано), и уши-то у нее невымытые (заглянули в уши), и работать не хочет. Обвиняют, конечно, маму – но в чем? Слепая, неразумная любовь – от нее вроде все беды идут.

Однако возмись мама приучать дочку к труду, отказывая ей во всем, держи ее в доме как в монастыре – результат был бы не лучше, если не хуже.

В поисках причин, отчего даже и любовь материнская нынче порой детям во вред идет, мы, по-моему, забываем о самых простых объяснениях. Для того чтобы выросли хорошие дети, трудолюбивые и уважающие все то, что нам ценно и дорого, не обязательно страстно любить их, будь то любовь слепая или разумная. И не имеет значения, отказывают ли детям в чем-то, во всем или ни в чем не отказывают. И даже, страшно сказать, вовсе не нужно, чтобы дети с малых лет надрывались на огороде, подражая родителям. Но нужно, обязательно нужно, чтобы хоть кто-нибудь из двух родителей или из четырех бабушек и дедушек – хоть один! – любил людей.

Только эта любовь к людям и передается детям, делает добрыми и отзывчивыми, только она обладает педагогической силой – в отличие от любви к ребенку, которая сама по себе,

вопреки тому, что пишут, говорят и думают, никакой воспитательной силой не обладает. Любовь матери к ребенку поднимает его, делает сильным, уверенным в себе лишь постольку, поскольку в ней выражена материнская любовь ко всем людям. Иначе и любовь матери угнетает ребенка.

Да, просто любовь, но не к своему ребенку и не к детям, а ко всем людям, в том числе и к детям, и к своим детям в частности, – здесь корень и здесь тайна. Семейная педагогика – наука строгая и трудная, и нельзя о воспитании детей в семье говорить на уровне «круглого стола» или диспута в клубе: «Что вы думаете о...? Я думаю, что...» Это интересно – знать, кто и что думает, но знать бы – как оно на самом деле?

А на самом деле возьмите любую семью, где выросли хорошие дети, и вы обнаружите, что был кто-то в этом доме, кто любил людей.

Высокие цели и... подручные средства

Многие родители, сталкиваясь с трудностями воспитания, находят такой на первый взгляд логичный и разумный выход: «Надо спросить специалиста, он посоветует, я так сделаю – и все будет хорошо». И действительно, специалисты – педагоги, психологи, врачи, – основываясь на достижениях науки и на опыте, дают (и будут давать) чрезвычайно полезные родителям советы. Но только одной «рецептурной» педагогикой полноценное воспитание жить не может. Кроме того, стремительно меняется жизнь, и часто вчерашняя прописная истина перестает «работать», теряет свою «рецептурную» силу, требует изучения, обсуждения, пересмотра.

Но есть целый ряд непрописных истин. О них-то и пойдет речь.

Поставим мысленный эксперимент. Предположим, некий мальчик дурно вел себя во дворе; побил маленького соседского мальчишку. Тот пожаловался своему отцу, отец отправился к соседу: «Приструни своего...» И наш отец берется за ремень. Он порет сына, приговаривая: «Не бей маленьких! Не бей маленьких! Я тебя научу, ты у меня на всю жизнь запомнишь, как маленьких бить!»

Вопрос: чему учит отец? Бить маленьких или не бить маленьких?

Неизвестно, научит ли он тому, чему хочет научить, но бить другого – научит наверняка.

Нравственной цели (не посягай) отец учит безнравственными средствами (посягая). И мы должны признать, что он не воспитывает ребенка, как он думает, а развращает его душу, учит безнравственности, учит посягать на человека.

Наши цели ребенку, как правило, недоступны. Он не может понять, отчего нельзя стукнуть пристававшего к нему соседского мальчишку, зачем надевать теплую куртку, когда еще тепло; зачем есть, когда не хочется; зачем спать, если не спится; зачем сидеть за уроками, если все равно ничего не понятно. Всех этих целей ребенок не понимает. Но средства, которыми мы своих целей пытаемся достичь, вполне ребенку доступны. Замечание, брань, крик, ремень – что тут непонятного? Школа обучения средствам открывается на первой минуте после рождения.

Воспитание – это обучение средствам для достижения своих целей.

Мама говорит неудачному (на ее взгляд) сыну: «Пожалей маму!», «Я больше не могу с тобой!», «Ну ради отца с матерью!»

Маме кажется, что она учит чуткости. На самом деле работает школа эгоизма: мама учит жаловаться, учит думать о себе, учит добиваться своего, вызывая жалость, учит беспомощности, унижению, навязчивости. И эти, а не другие уроки будут восприняты и обращены против матери же.

Грубовато обращаясь с младенцем, я учу его грубости и больше ничему. Какая бы у меня ни была важная цель: здоровье ребенка, его будущее, его жизнь, – но учу я его одной лишь грубости. Ее он воспринимает, а не мою цель.

Требуя от ребенка, я учу его требовать от родителей, от людей, от жизни. Не тому учу и не другому, а только требовать, наступать, из горла вырывать: дай! Делай, как я велю!

Добиваясь верха – учу добиваться верха.

Прошу – учу просить.

Уступаю – учу уступать.

Добиваюсь своего, увлекая, шутя, с выдумкой – учу тому же своего ребенка.

В глаголах: грубить, просить, требовать, посягать, уступать – выражены такие же действия, как в глаголах: пилить, читать, стирать, косить. Физическим действиям мы учим наглядно, душевным – незаметно. Нам кажется, что ничего значительного не происходит, но процесс обучения идет. Мы учим добиваться своих целей определенными душевными движениями, как учат строгать определенными физическими движениями.

В воспитании два ряда. Один ряд – культурный, навыки культурного поведения. Другой ряд – нравственный, навыки обращения с целями, навыки выбора нравственных средств.

То – то, а это – это.

В сознании большинства родителей воспитывать – значит прививать культурные навыки: не шуми, не бегай, не прыгай, ешь, как люди едят, не пачкайся, говори «здравствуйте», «спасибо» и «пожалуйста» («Что надо сказать тете?»), не вмешивайся в разговор взрослых, не груби, не пререкайся, уступай место старшим, мой руки перед едой, ложись вовремя спать, не разбрасывай вещи...

Мы прививаем культурные навыки (надо же детей воспитывать!) и в то же самое время прививаем им грубость, черствость, нечуткость, неуважение к людям и первые же страдаем от такого псевдовоспитания!

На самом деле воспитывать – значит учить человека относиться к людям и к делу по-человечески, по правде.

Вот это второе – нравственное – воспитание и является главным. Только оно и есть воспитание.

Будет нравственное воспитание – ребенок воспримет правила культурного поведения из среды, его окружающей, возьмет пример с родителей. Нравственный человек никогда не будет ниже своей среды по культурному уровню.

Дело, таким образом, сводится к следующему.

Мальчик по утрам долго одевается, он копуха, а мы опаздываем в детский сад и на работу. Можно было бы рассказать ему сказку про медлительную черепаху, устроить веселое соревнование. Но эти средства требуют времени, терпения, сил, изобретательности, хорошего настроения, жизнерадостности, а мы торопимся, мы издерганы, мы боимся потакать мальчику, и мы кричим на него, шлепаем, обзываем – мы учим добиваться своего небрежением и насилием.

Мальчик плохо учится. Надо пораньше приходить с работы, заниматься с ним, развивать его, читать с ним и читать ему, надо подыскать ему кружок поинтереснее; надо хвалить его, когда хотелось бы отругать, терпеливо, изо дня в день сидеть с ним, когда он делает уроки. Но у нас нет желания возиться с сыном, и нет терпения ждать результатов годами, и нет умения помочь. Мы умеем одно – накричать! Наорать! «В следующий раз выпорю!» – вот и все воспитание. Но воспитание – чего? Обучение – чему?

Все наши представления о любви и совести, все доброе и умное рушится перед простым фактом: ребенок должен аккуратно складывать одежду перед сном, а утром быстро одеваться, прилично учиться, помогать по дому и вести себя так, чтобы за него было не стыдно и чтобы на него не жаловались. Должен! С этим невозможно спорить. Если он не учится, не помогает, не слушается, если на него жалуются, то жизнь становится невыносимой.

Педагоги говорят родителям: «Ваш ребенок должен делать все, что положено, вы должны научить его, и при этом, конечно, нельзя унижать его достоинство, ругать его, кричать на него, бить».

Все это правильно для совершенных родителей-отличников.

Совершенные родители могут добиваться своих целей нравственными способами. Они дают детям навыки культурного поведения, дети у них хорошо учатся без особых, казалось бы, усилий, и ни один их урок не противоречит другому.

Но что же делать нам, несовершенным? Неотличникам? Замотанным жизнью и работой? Не обладающим великой воспитательной силой? И взгляд-то у нас вовсе не такой, что посмотришь на ребеночка – он и стихает. Что нам делать?!

Вывод, мне кажется, может быть только один.

Если у нас не хватает способностей, не хватает сил, времени и дети не ангелы, если невозможно достичь и того, и этого – и культурное поведение дать, и нравственную культуру, – то надо каким-то из двух этих рядов поступиться. Каким?

Только нравственное, духовное воспитание – подлинное воспитание, а не скрытое разращение детей; и только нравственное, духовное воспитание возможно в нынешних условиях, работающими родителями, в полчаса.

Если бы воспитание заключалось в одних лишь мерах прямого воздействия, из того, что принято считать воспитанием, то дела наши были бы плохи. К счастью, это не так. Воспитание в полчаса возможно.

Мы должны привести образ воспитания в соответствие с образом жизни. Или мы добиваемся культурных целей за счет нравственности, или мы отдаем предпочтение нравственности, и тогда должны смириться с тем, что не все и, быть может, далеко не все культурные наши цели могут быть достигнуты. Можно не соглашаться с таким решением, с таким ответом, но не отбрасывайте вопроса! Главное – не замазывать противоречия, не говорить с серьезным видом, что и то важно, и это, не прятать истинную причину неудач в воспитании: мы добиваемся нравственных (культурных) целей безнравственными (бескультурными) средствами, а для достижения двух целей – культуры и нравственности – у многих из нас нет воспитательной силы.

Тут ничего нового нет. Все родители делают и всегда делали этот выбор, но многие выбирали и выбирают культурный ряд за счет нравственного. В результате вырастают дети и безнравственные, и бескультурные. Дети вырастают бескультурными не потому, что им дают мало культуры, а потому, что им пытаются привить одну лишь культуру, без нравственности.

В воспитании, как и всюду, действует жесткое правило: «По одежке протягивай ножки». Мы покупаем вещи по средствам, мы строим дом по средствам, мы все в жизни делаем по средствам – почему же не хотим мы понять, что и для воспитания нужны средства, условия, возможности, силы, способности? И коли их не хватает, то надо и подвинуться, попридержать свои амбиции. Будем чемпионами, но, простите, в своем весе...

Включил телевизор и поймал фразу из спектакля: «Ему не хватает воспитания, но душа у него прекрасная».

Позвольте, а что же прекрасная душа – сама по себе появилась? без воспитания? Вот это и есть воспитанный человек – с прекрасной душой. Воспитанный – значит, с прекрасной душой, а не с одними лишь прекрасными манерами.

Из двух целей выберем важнейшую, сделаем крен на воспитание нравственности, и сразу решаются многие задачи и загадки!

Культурное воспитание невозможно в полчаса, мы только зря тратим силы и нервы, зря соримся с детьми.

А нравственное, духовное воспитание возможно, потому что оно идет не полчаса, а сутки напролет, все 24 часа, и не требует никаких специальных педагогических действий. Нужна трата души, а не времени; души, а не одних только нервов. Педагогическая работа идет в душе отца, в душе матери, но дети от нее становятся лучше.

Если мы выбираем первый, культурный ряд, но ничего не можем добиться от ребенка, мы становимся все злее, все нетерпимее, мы все меньше любим разочаровавшего нас ребенка, и он становится все хуже и хуже. Если же мы делаем второй выбор, нравственный, у нас развивается изобретательность, некая педагогическая хитрость, мы становимся лучше – и лучше становятся наши дети.

Дети становятся лучше или хуже не сами по себе, а в зависимости от того, что происходит с нами. Лучше становимся мы – лучше становятся и дети.

Слышу возмущенные голоса: «Вместо того чтобы призывать к полноценному воспитанию – и культуры, и нравственности, – он призывает – к чему? Вы подумайте, к чему он призывает!» Я не призываю. Я ни в коем случае не против культуры поведения, я очень не люблю невежливых людей, и в конечном счете не наученный культурному поведению человек постоянно посягает на других и затрудняет их. Я лишь утверждаю, что в наших условиях надо отдать предпочтение второму пути. К культуре поведения – через нравственность.

Воспитание воздействиями – это пассивная педагогика. Мы наметили в голове некий курс в виде Образа Ребенка, и теперь все наши действия определяются этим. Чуть реальный ребенок отклонится, мы начинаем реагировать. Если бы он следовал по заданной траектории поведения, мы бы спали. Мы не замечаем ребенка, мы замечаем одни лишь его недостатки.

Нравственно-духовное воспитание – это активная педагогика. Мы вызываем чувство симпатии, пробуждаем добро. Сами не спим душой и не даем заснуть душе ребенка.

Педагогика целей делает упор на то, что ребенок должен знать, должен уметь, должен понимать. Она говорит нам: надо, чтобы... Надо, чтобы...

Педагогика средств делает упор на то, каким путем добиваться этих всем известных «должен, должен, должен». Она говорит: чтобы..., надо... Чтобы..., надо...

Чтобы дети выросли нравственными людьми, надо добиваться от ребенка лишь того, чего мы можем добиться, не посягая на него. Будет нравственность – будет все; не будет нравственности – ничего не будет.

Так – получается, а так – нет.

II. Душа не поддается управлению. Или почему дети нас не слушаются

Кое-что о святых

Психолог Владимир Лефевр в начале семидесятых уехал в США и там прославился теорией рефлексивных систем, книгой с экзотическим названием «Алгебра совести» и открытием, что существует два принципиально различных типа этики. Люди первой этической системы предпочитают соединение или компромисс, они довольны собой, когда им удастся достичь согласия и снять напряжение; люди второй этики предпочитают разъединение и конфронтацию, они гордятся своим умением дать отпор и постоять за себя. Экспериментальное исследование, проведенное под руководством В. Лефевра, показало, что американцы чаще исповедуют этику первого рода, а наши люди – второго.

Одна мысль показалась мне особенно интересной. Ученый задал себе вопрос: «Может ли у святого быть корректный образ самого себя?» – и ответил на него так: «Нет, потому что если святой считает, что он святой, то он уже не святой. Сама святость предполагает некий дефект знаний, некоторую неадекватность».

Парадокс Лефевра – «Если святой считает себя святым, то он не святой» – объясняет, в частности, и причины наших поражений в домашнем воспитании.

Когда в результате многих хлопот вырастает дурной сын или негодная дочка, мы в тоске озираемся: что было не так? За что нам такое наказание? Обычный репертуар ответов на эти тоскливые вопросы крайне узок. Примерно половина родителей, недовольных своими детьми, видят ошибку в том, что слишком баловали своих детей в детстве: «я ни в чем ему не отказывала», «я покупала ей слишком много игрушек» – типичный ответ даже среди образованных мам. Но это еще не худший вариант (хоть и ложный – многие прекрасные люди выросли в роскоши); другая половина несчастных родителей склонна винить в неудаче не себя, а мужа (жену), тещу (свекровь), школу, детсад, систему и Вселенную:

– Неужели вы в самом деле думаете, что в нашей системе можно вырастить хорошего человека? – интересуется интеллигентная дама. У нее неприятности и с сыном, и с внуком.

– Но вы-то вон какая прекрасная выросли, – обычно отвечаю я, и еще ни разу не встретила мне женщина, которая не проглотила бы этот крючок, даже не прикрытый наживкой. Ответ стандартный:

– Ну, я – другое дело!

Удивительная история! Знаю, что повторяюсь, что уже писал, но каждый раз смотрю с новым изумлением: самые умные люди глупеют на глазах, лишь только речь заходит о воспитании детей. Может быть, это всеобщая лакмусовая бумажка, генеральный тест на ум и глупость? Хотя, впрочем, для воспитания детей особого ума не надо. Гораздо важнее другое.

Гораздо важнее не считать себя святым.

Многим людям это дается с большим трудом или вообще не дается.

Обычный человек в обычной жизни не склонен считать себя лучше всех, а свои соображения – единственно правильными. Но по отношению к ребенку мы безгрешны, мы святые. «Мама всегда права» – наш основной философский принцип, дополняемый практическим правилом «Не смей перечить отцу».

В сознании каждого из родителей живут Идеальный Мальчик и Идеальная Девочка, и живых детей мы растим так, чтобы они совпадали с этими совершенными существами, которые каким-то образом забрели в наши головы и там навек поселились – к несчастью наших детей.

Каждое отклонение живого мальчика от идеала вызывает наказание, гнев или по крайней мере недовольство. Как будто запущена ракета по заданной траектории, и если наблюдается отклонение, то надо включить механизм коррекции.

Но что верно для ракет, то неверно для людей и тем более для детей. Мы не святые, идеальный мальчик в наших головах в большей части случаев не идеал, а нелепость. Если бы понадобилось сформулировать наиболее общую причину неудач в воспитании, можно было бы сказать так: несовершенные, мы пытаемся вырастить совершенных детей. А это невозможно.

Ну привыкнем же наконец к слову «невозможно»! Невозможно всунуть большой чемодан в маленький, невозможно построить социализм на отдельно взятой планете, невозможно воспитать святого, если сам не святой. Святых не воспитывают, святыми становятся. И чем упорнее мы в наших безумных стремлениях и стараниях, тем хуже получается результат. В этом случае мы не способны принять и полюбить ребенка таким, какой он есть, мы отказываем ему в любви, потому что не умеем подогнать его под известный нам образец. Мы считаем себя непогрешимыми, а ребенка – вечно виноватым перед нами, и в результате от нас уходит любовь. А где нет любви, там нет и воспитания. Чем сильнее наше желание воспитать ребенка, тем слабее наши воспитательные возможности, и мы губим детей.

Но разве не должны мы стараться, чтобы ребенок был лучше?

Не должны. Нам не дано знать, что лучше и что хуже, мы не боги, мы не святые. Особенно если кажемся себе святыми.

Воспитание без воспитания

Все знают, что воспитание – важная вещь, что воспитанием решается участь человека.

И все-таки много лет я думаю над формулой «Воспитание без воспитания».

Вглядываясь в чужие жизни, расспрашивая знакомых и даже малознакомых людей, наблюдая за детьми в течение десятилетий (мальчиком был такой бандит! А человеком стал – на зависть), я все больше убеждаюсь, что результат воспитания зависит не от того, что принято называть воспитанием, то есть не от целенаправленных мероприятий, не от похвал, порицаний, замечаний, бесед и нотаций, а совсем от другого: от примера (не всегда), от стиля отношений с детьми (почти всегда) и всегда – от духа воспитателей, то есть от их стремления к добру, правде и красоте.

Вероятнее всего, воспитание без воспитания было во все века: но в наше время, когда полностью переменялась педагогическая ситуация, воспитание без воспитания по необходимости становится главным.

Статистика постоянно говорит нам, что нынешние родители очень мало общаются с детьми: я где-то читал – 12 минут в день. Конечно, можно этим возмущаться, можно писать, что это безобразие, и гневно призывать к тому, чтобы родители больше общались с детьми. Я согласен. Пусть больше общаются. Но ведь ни вы, читатель, ни я не виноваты в том, что нынешний мир такой, какой он есть. Что толку от наших призывов, какая польза от нашего возмущения?

Надо же и в педагогике считаться с фактами и обстоятельствами, не может быть одной педагогики на все времена! Меняются условия – должны меняться и педагогические подходы. Ну невозможно это – в полчаса воспитывать точно теми же средствами, что и при круглосуточном надзоре за детьми.

Прежде всего под удар попадает самое сильное средство прежней педагогики – приучение. Чтобы приучить ребенка к чему-нибудь, надо стоять над ним, надо тысячу раз поправлять его, две тысячи раз напоминать, постоянно хвалить и наказывать – иначе не получается. Нет ничего глупее фраз: «Я кому сказала», «Сколько раз тебе говорить?» Никто из нас не обладает такой магической силой, что сказал мальчику – и он сразу и навсегда приучился мыть руки перед едой и говорить «спасибо».

Снова скажу: нелепо выступать против приучения, не надо доказывать его пользу, но повернемся лицом к действительности: у нас всего полчаса в день на ребенка (в лучшем случае!), и если нами овладеет идея приучения, то все эти полчаса придется потратить на замечания, нотации, брань и угрозы. Нет такого мальчика на свете, который за день не совершил бы столько проступков, что старательным родителям хватит тридцати минут на их разбор и осуждение. А когда же ребенок услышит доброе слово? И от кого? Кто его приласкает, мальчика, если и мать, и отец переозабочены воспитанием и больше всего на свете боятся распустить ребенка?

Многие люди, и часто лучшие из них, говорят: «А меня в детстве вовсе не воспитывали. Родителям было не до меня». Не воспитывали, а вырос воспитанный человек, добрый, честный и трудолюбивый. Отчего так? Чудес в воспитании нет, и трудно предположить, что воспитанность целиком зависит от наследственности. Поэтому согласимся, что как бы наш ум ни противился этой зловредной мысли, все же надо признать, что воспитание без воспитания возможно. А если возможно и чаще всего дает хорошие результаты, то отчего и в своей семье не сократить количество воспитательных мероприятий, не перестать воспитывать детей с утра до ночи?

Представьте себе, что вы работаете с несколькими сотрудниками в одной комнате. Вы их воспитываете? Да они навсегда возненавидят вас за одно-единственное замечание, пусть даже

и справедливое! Так и с детьми. Они тоже без радости относятся ко всем, кто их «воспитывает», делает им замечания и читает им нотации. Воспитание без воспитания – это жизнь с детьми в сотрудничестве. Отношения сотрудничества, когда их удастся установить, воспитывают лучше любых воспитательных мер.

«Не учите меня жить!»

Страсть к воспитанию – одна из самых необоримых человеческих страстей. Каждый из нас кончал домашнюю педагогическую академию, каждый вроде бы знает, как надо воспитывать – так же, как и меня растили! И вдруг с удивлением обнаруживаем: то, что легко получалось у моей мамы, не получается у меня с моими детьми! А раз так, я делаю вывод: «Мои дети хуже, чем я был в их возрасте! Дети испортились!» На самом же деле и дети не стали хуже, и мы, родители, ничуть не слабее. Просто другие теперь условия жизни, а потому наших детей надо воспитывать не так, как воспитывали нас и наших сверстников.

Детская душа не поддается управлению – с ребенком можно лишь общаться, причем под словом «общение» я понимаю не всякий контакт, а только душевный. Управление и общение – действия совершенно разные, хотя в реальной жизни они часто сплетаются воедино и даже называются одним и тем же словом – «воспитание». Это все равно что складывать книги в стопку или читать их: в том и другом случае действия с книгами, но ведь есть же и разница! Управлять может только старший – младшим, сильный – слабым, а общаться как равные могут два любых человека, если между ними не стоит желание превосходства, «верха», власти. Управление, при всей его необходимости, иногда гнетет, а общение всегда поднимает, потому что вызывает к жизни лучшие силы души. Если воспитатель не умеет управлять детьми, он пропал; если он умеет только управлять – пропали дети.

Мальчик залез на дерево – это опасно для его жизни и служит дурным примером другим детям. Педагогика управления учит меня, как сделать, чтобы дети не лазали по деревьям, а занимались полезным делом, учит, каким тоном крикнуть мальчику: «Слезай сейчас же!» – и как наказать его, когда он спустится на землю. Педагогика общения, напротив, вовсе не говорит о том, как правильно снять мальчика с дерева. К разочарованию многих, она утверждает, что никакого «правильного» голоса, тона, способа, приема нет, что, бывает, один отец тихо попросит – и сын послушается, а другой в ярости начнет стучать кулаками – и ничего не добьется, потому что все зависит от того, что за человек этот отец, насколько доверяет ему мальчик, как сложились их отношения. А скорее всего, мальчика вообще не следует снимать с дерева; надо просто стоять внизу, отчаянно трусить, но виду не подавать, да еще и похвалить сына тихонько, потому что наш мир в основном устроен руками тех людей, которые в детстве лазали по деревьям. Да, педагогика общения очень трудна! Ее спрашивают: «Как сделать?», а она отвечает вопросом: «А что вы за человек?»

Принято подчеркивать: воспитывает все, воспитывает каждый сантиметр и каждый встречный. Так оно и есть. Но слишком в это поверив, мы порой опускаем руки: коли воспитывает все, что же я могу поделать с ребенком? Я, воспитатель, беспомощен!

Так ли это? Вот у вас полчаса в день на сына – что ж, он может быть прекрасно воспитан и в эти полчаса, если мы будем помнить, что воспитание – это не уход, не надзор, а общение.

Каждый день ребенок получает некую порцию поощрения и порицания. Так вот, встречаясь с ним на полчаса, мы обычно торопимся выдать ему всю дневную норму порицаний. Ребенок не слышит доброго слова, а потому нередко стремится еще и сократить этот получасовой сеанс.

Нет сегодня реки на свете, которую не перекрыть плотиной: техника позволяет все. Все возможно! Но невозможно на каждой реке построить плотину из песка – условия не позволяют. Проведем аналогию – почему, скажите, результаты нашей педагогической деятельности нередко противоречат замыслам, планам и намерениям? Сколько сил уходит – и так ничтожен эффект! Да потому, что мы порой добиваемся невозможного – строим на песке.

Дети – страшные консерваторы, особенно младенцы. Их так трудно учить новому: обходиться без соски, пользоваться ложкой, переходить с каши на твердую пищу... Положите в

кашу сахара чуть больше или чуть меньше, чем обычно, – сморщится и заорет на весь дом! И есть не станет.

Дети – страшные консерваторы, но они же и бесстрашные новаторы: экспериментируют, исследуют, пробуют на глаз, на ощупь, на зуб, и этого родители боятся еще больше, чем консервативной привычки. Родительский идеал ребенка выражен словами одной мамы:

– А мой спокойный. Посадишь его – он и сидит.

Не правда ли, чудо-дитя?

Так из двух потребностей, определяющих жизнь каждого ребенка, – потребности в безопасности и в развитии – для нас, родителей, важнее первая, а для мальчика или девочки – вторая. Двенадцатилетние дети, например, больше страдают от травм, полученных ими в различных житейских приключениях, чем от болезней. Но эти приключения так нужны ребенку, эта тяга к развитию так сильна! Ему хочется бегать, лазать на высокие деревья... Мы останавливаем его, оберегаем: обуздать, укротить! Но сила эта чаще всего неукротима.

Нам трудно угадать, когда именно и чему учить ребенка. То опережаем его возможности – и тогда он сопротивляется, то опаздываем – и тогда учение не идет впрок. Одному в четыре года покажи азбуку – он станет с охотой читать, а в семь лет азбука будет ему скучна. Другому и в семь рано садиться за книжку, а надо бы потерпеть год-два... Мы в состоянии ускорить развитие ребенка, но в пределах, заданных природой; мы в состоянии направить развитие в нужную сторону, но не можем остановить его. В развитии детей нет выключателей, только переключатели! Наше воспитание, как правило, однобоко – мы люди практичные, озабочены развитием ума сына или дочери. А они, сами того не замечая, поправляют нас, сами добывают себе развитие – и физическое, и нравственное, и умственное. Ребенок больше нас стремится к цельности, но мы порой не поддаемся, мы гнем свою линию и часто побеждаем – на несчастье ребенка. Увы, детскую тягу к развитию во многих случаях удается преодолеть. Иногда она бывает так слаба по природе, что мы справляемся с ней грозным надзором или отупляющим учением, а затем торжествуем победу воспитания, погубившего ребенка.

По-моему, сильные родители для слабого ребенка – беда и несчастье. В нем развивается изошренность в сопротивлении, причем одни дети сопротивляются дурному, а другие – хорошему... Но силы подростка не безграничны; если они тратятся на войну с родителями, то он выходит в жизнь не закаленным, как думают, а сломленным. Чтобы этого не случилось, будем поддерживать в сыне, дочери тягу к развитию, чтобы она никогда не иссякала и не заглохла.

Вторая потребность ребенка – потребность в безопасности. Мы тоже думаем об этом: боимся простуд, машин, боимся, что он будет плохо учиться. Но его заботы – совсем другого рода.

Сначала, пока он еще под родительским надзором, он – самый слабый в этом мире. Он охраняет свою безопасность от родителей, которые ходят за ним по пятам и говорят «нельзя», шлепают по рукам и сердятся. Как же велик запас доброты у маленького, если он сохраняет ее лет до трех, до пяти и все еще бежит к нам и ласкается!

Но вот он подросток, впервые вышел во двор. И опять он самый маленький, каждый может ткнуть, обидеть! Кто ему теперь нужнее всех на свете? Защитник, заступник, свои люди, «наши». Так начинается великая, на всю жизнь, игра в «наших» и «не наших», в своих и чужих, игра, диктуемая острой нуждой в безопасности. «Наши» – в нашем дворе, на нашей улице, а в чужом дворе, на чужой улице – «чужие». Я не могу оставить своих, я в них нуждаюсь. Мама ругает: «Где пропадал?» Он знает свою вину, но он ничего не может изменить! От безысходности маленький человек дерзит маме, грубит, но и завтра он будет во дворе столько же, сколько и все. Он должен быть «своим», его безопасность теперь зависит уже не от мамы с папой, а от ребят во дворе.

Попытки родителей вмешаться в мальчишечьи дела обычно лишь ухудшают положение. Надо просто как можно больше поддерживать ребенка дома, чтобы главными «нашими» в этой

жизни были для него его родители, его семья, его дом. Тогда из той же самой потребности безопасности, из того же детского «стадного чувства» разовьются благородные свойства: готовность постоять и пострадать за друзей, верность в товариществе, надежность в отношениях с людьми, стойкость характера.

Насколько маленькому человеку живется труднее, чем взрослому! Его постоянно оценивают. Он получает отметки за каждый шаг – не только в школе, но и дома. Мы все время гадаем: хороший? плохой? способный? неспособный? Нельзя, чтобы жизнь детей превращалась в вечный экзамен.

Ребенка надо не только понимать, но и принимать, принимать таким, каков он есть. Понимают – умом, принимают – душой. Если чувствуешь, что к тебе относятся хорошо, любое замечание стерпишь. Не любят тебя – и слушать не хочется, всегда готов к отпору, и даже справедливое замечание не доходит до разума. Если я оттолкну сына от себя, если буду досаждать ему своими укорами, дом станет для него небезопасным. Скорее на улицу, где принимают! Без всяких условий! Так постепенно мы потеряем влияние на ребенка. Он уйдет душой из дому, и все недостатки его лишь усилятся. Но нет, я принимаю его – и он бежит в дом. И чем сильнее, чем хуже его пороки, тем больше нуждается он в том, чтобы дома его принимали, чтобы любили.

Где же место любви? Где место добру? Мальчик-отличник, мальчик-общественник, мальчик-чистюля; не надо обладать выдающимися душевными качествами, чтобы любить его.

Но вот другой мальчик – двоечник, лентяй, грязнуля. Тут-то и проявляется культура воспитателя, тут и начинаются любовь, добро, великодушие. Принять неприятное – вот добро! Вот в чем труд души!

Добро к людям и любовь к людям – одно и то же. Быть добрым, не любя, невозможно, потому что добро требует душевных сил. Ребенок все время виноват перед нами? Значит, мы его не любим. Любимые не виноваты! А вот мы перед ребенком виноваты во сто раз больше – на нас лежит тяжкий грех нелюбви к собственным детям.

Каждый понимает: для воспитания ребенка прежде всего нужно найти с ним общий язык. Иначе воспитание невозможно. Но то и дело обращаемся мы к сыну или дочери:

- Я кому говорю?
- Я что, стенке говорю?
- Я тебе сколько раз говорил?
- Тебе хоть говори, хоть не говори!
- Ты что – не слышишь? Ты что – глухой? Ты оглох, что ли?
- Я тебя спрашиваю или нет?
- Ты что, не понимаешь?
- Ты почему молчишь?
- Ты что, язык проглотил?

Нам кажется, будто ребенок нас не слышит, нам кажется, что надо сказать еще раз, еще и еще, пока до него наконец дойдет. А до него, может, никогда и не дойдет, потому что мы не на том языке говорим!

Общий язык с детьми – это речь и движения души, язык желаний и чувств. Мы постоянно пользуемся словом «душа», хотя, по-моему, девять человек из десяти не знают, что это такое. О своей душе говорят отстраненно: не «мне больно» – а «душа болит», «душа страдает». Люблю – я, ненавижу – я. Но как люблю? Как ненавижу?

«Всей душой»... Значит, все другие чувства подчинены этой любви или этой ненависти.

Когда в душе человека преобладают чистые желания, говорят, что у него «чистая душа». Если же преобладают грязные, низкие желания и чувства, говорят: «низкая душа», «мелкая душа», «подлая душа», «грязная душонка» – завистливая, злобная, мелочная. Про двух людей, во всем согласных между собой, говорят: «Они живут душа в душу». Предполагается, что если люди побеседуют искренне, открыто, у них был «задушевный разговор», «они поговорили по

душам», «на душе легче стало». О человеке, который понял меня, говорят: «он заглянул мне в душу», «он душевный человек». Маленькие дети – это простые души, не сформировавшиеся, не окрепшие; хаос желаний и чувств. Но если мы точно поймем потребности ребенка, нам будет легче понять и его душу, уважать ее – уважать желания и чувства ребенка. А значит, найти с ним общий язык.

Для ребенка нет плохих или хороших людей, он видит только отношение к нему – плохое или хорошее. Отец – пьяница, но когда его поведут в милицию, пятилетняя девочка расплачется: «Мой папа хороший, он мне всегда приносит конфеты». Ребенок живет не в мире людей, а в мире отношений с людьми, и это слово – «отношение» – ключевое понятие педагогики.

Мне рассказывал молодой инженер из Ангарска: «Однажды пришли к десятилетнему сыну товарищи, сидят, разговаривают. Я прислушался: разговор идет о пересадке сердца... И вдруг мой сын говорит: “А я бы хотел, чтобы мне пересадили сердце папы... Мне нравится, какое у папы сердце”».

Вспоминаю этот рассказ и думаю: может быть, я встретил самого счастливого человека на земле?

Не у каждого из нас такое сердце, не каждый умеет любить детей, даже своих собственных, не каждый достаточно разумен, не каждый может контролировать свое поведение, не вспылить; в большинстве своем мы усталы и раздражительны. Но дети сами смягчают наши сердца – своим существованием, смехом, шалостями. Нам остается немного – не бояться доброты в своем сердце.

Уровень справедливости

А вообще люди – воспитуемы ли?

Это один из самых интересных и, кажется, один из самых неразрешимых вопросов человечества.

Чтобы ответить на него, психологи давно уже проводят так называемые лонгитюдные – многолетние – исследования одних и тех же людей, годами изучают двойняшек. Пытаются выяснить, что в человеке от природы, а что от воспитания. И каждый раз получают двусмысленные результаты, которые можно истолковать и так и этак.

Но ведь и все мы немножко психологи, все, продираясь сквозь толщу времени, невольно проводим свое собственное лонгитюдное исследование, наблюдая за одними и теми же людьми в течение многих лет.

Свой возраст и связанные с ним перемены заметить довольно трудно, потому что внутреннее «я», известное лишь его владельцу и больше никому, практически не меняется. Сейчас, когда я подхожу к более чем солидному возрастному рубежу, внутри себя я точно тот же, которого мама когда-то утром отвела в детский сад и оставила там одного – без мамы. Хорошо помню то состояние, оно во мне, оно часть меня, и оно не может измениться. Я есть я. Вы есть вы. Никакими усилиями ни меня, ни вас, читатель, изменить невозможно. Меняются взгляды, речи, поведение, но при этом человек остается самим собой. Вернее, в нем остается неизменным нечто самое существенное. Что это такое, что остается в человеке всегда и при всех кажущихся переменах?

По моим ненаучным наблюдениям, в каждом человеке есть неизменный, не изменяющийся в течение всей его жизни уровень справедливости, уровень совести. Не знаю, откуда он берется и от чего зависит (если бы узнать, это было бы важным открытием в педагогике) – но он есть. Именно этим уровнем определяется степень доверия, вызываемого человеком.

Что такой неизменный уровень совести есть, подтвердит каждый, если вспомнит своих однокашников, однокурсников, коллег по работе в давние времена.

Однако это плохо доказанное утверждение ничего не стоит опровергнуть, если вспомнить не сверстников, а младших – тех, кто вырастает и вырос на наших глазах. Кто жил достаточно долго, чтобы наблюдать за каким-нибудь соседским ребенком, сыном или дочкой друзей в течение многих лет – скажем, от пяти до двадцати пяти лет, – тот почти каждый раз удивляется происходящим переменам. То и дело мы говорим: «Подумать только! Был такой разбойник! А сейчас такой милый человек!» Или наоборот: «Я же хорошо помню, был такой тихий милый мальчик, а сейчас? Разбойник!»

Сверстники в наших глазах не меняются, дети же меняются до неузнаваемости.

О чем это говорит? О том, что в человеке есть и неизменное, и переменное? Или о том, что мы не понимаем детей?

Скорее всего второе. За внешним поведением, за поверхностным измерением «послушный – непослушный» мы не умеем увидеть навсегда данный ребенку уровень справедливости. Поэтому-то наши воспитательные усилия так часто бывают ложными и тщетными.

Все начинается с веры

В воспитании своих детей специалистов быть не может, отцов-профессионалов и мам-профессионалок на свете нет. Воспитание своих детей – одно из самых благородных дел, ему можно отдать жизнь, но профессией оно стать не может. К тому же воспитание – это искусство, а где искусство – там талант, там сердце, интуиция, вдохновение, любовь. Где искусство, там результат вроде бы без процесса: каким-то образом получилось, но как? Магия... Так и говорят: магия искусства. Наука – это бегство от «чуда», по известному слову Эйнштейна, а воспитание, а искусство непременно содержит в себе какое-то чудо – иначе искусства нет. Как это все совместить? Может ли наука оперировать ненаучными, туманными понятиями вроде «сердце» и «любовь»?

Может. Есть искусство писать книги, и есть наука об искусстве писать книги – литературоведение. Есть искусство играть на сцене, и есть наука об этом искусстве – театроведение. Есть искусство воспитания, и есть наука об этом искусстве – педагогика. Стопроцентная наука о стопроцентном искусстве, но и с отличием от точных наук: как у всякой науки об искусстве, ее язык тоже должен быть приближен к искусству. Педагоги, стараясь быть «научными», пытаются иногда обойтись без неточных понятий – «любовь», «сердце», но без них ничего нельзя ни объяснить, ни предсказать.

Многим людям кажется, будто наука о воспитании детей в семье – та же самая наука, что и о воспитании в школе, а учитель – специалист и в домашнем воспитании.

Когда же дело доходит до собственных детей, то всякая наука вроде бы кончается и начинается неизвестно что. Даже у самых прекрасных учителей бывают никудышные дети – не видали? В таких случаях осуждающе говорят: своих детей воспитать не умеет, а за чужих берется!

Да, чужих воспитывает, а своих не всякий может, потому что наука педагогика, помогающая учителю в его трудах, хорошо работает, когда перед воспитателем тысяча детей, похуже, когда их тридцать, и совсем плохо, когда один-два-три.

Чем меньше детей, тем труднее, а не легче работа воспитания. Бывает, школьный педагог, имея сорок детей, справляется с тридцатью девятью из них и считается прекрасным учителем, а сорокового, неуправляемого, старается обычно куда-нибудь сплавить. Но у мамы-то сороковой не сороковой, а первый и единственный, и никуда его не сплaviшь и на другого не обменяешь. Столетиями призывают учителей к индивидуальному подходу, говорят: «Надо найти ключ к каждому», и всегда это было труднейшей частью педагогической работы. Но у папы и мамы никакого другого подхода, кроме индивидуального, и быть не может. У профессионала-учителя не получается, а у мамы-непрофессионала должно получиться.

Маме говорят: вы должны, вы обязаны, то есть обращаются с ней, как с учительницей, которой при случае можно объявить выговор, а то и уволить ее. Но маму-то не уволишь!

Маме говорят:

– Если ребенок не послушался вас, то надо повторить приказание голосом, не допускающим возражения.

Совершенно правильно! Надо! Но что делать, если мама не умеет говорить таким голосом, и чем больше пытается она быть строгой, тем хуже результат?

И со всех сторон говорят маме: «Надо, чтобы... Надо, чтобы... Надо, чтобы...» Надо, чтобы ребенок знал слово «нельзя»! Надо, чтобы ребенок знал слова «пожалуйста» и «спасибо». Надо, чтобы ребенок не баловался, и надо, чтобы он рос рыцарем – почему вы не научили его рыцарству, мамаша? Надо, чтобы ребенок с детства был приучен уступать дорогу старшим...

Да, надо, надо, все надо, кто спорит? Но что делать, если не получается, и даже непонятно, отчего не получается? Ведь мама все делает, как все!

Родители внимают педагогике, стараются изо всех сил, а у них ничего не получается. Они и не подозревают, что им преподносят правила, выработанные в школе и не имеющие никакого отношения к семейному воспитанию!

Словом, воспитание в школе – одно, воспитание дома – другое. То – то, а это – это.

Ну, например, хороший мастер всегда лучше плохого – кто не согласится с этим утверждением? И разумеется, талантливый учитель лучше бесталанного. Однако плохая мама, но своя заведомо лучше хорошей, но чужой. Плохое лучше хорошего! Посмотреть бы на математиков и логиков – как управились бы они с такой наукой?

Мало того! Первое, что должна сделать наука о семейном воспитании, это установить факт, что люди прекрасно обходились и обходятся без нее, без науки.

В самом деле, кто видел детей, воспитанных по науке? Никто. Потому что детей воспитывают не по науке, а по вере. Не будем бояться этого слова, оно не раз еще встретится нам. Духовные процессы совершенно не поддаются анализу и объяснению без понятия о вере.

Для успеха в любой работе нужна уверенность, которая обычно добывается собственным опытом. Но у родителей опыта быть не может, их уверенность держится на вере в чужой опыт, на доверии к нему, на доверии к опыту своих родителей и всех предшествующих поколений. Мы и сами не знаем, откуда берутся наши педагогические убеждения, они кажутся нам здравым смыслом, мол, как же иначе? Педагогическая вера живет в нас, поскольку все мы закончили пятнадцатилетний родительский педагогический институт. Нас не только воспитывали так или иначе, нас при этом учили воспитывать своих будущих детей.

Воспитание – первый вид человеческой деятельности, с которым сталкивается человек, рождаясь на свет. Сначала он на собственной, так сказать, шкурке узнает, как воспитывают, а потом уж видит он, как варят обед, убирают, забивают гвозди, гладят белье, и лишь много позже увидит ребенок, как работает шофер, врач, продавец – первые герои детских игр. Но сначала – «дочки-матери». Сначала – воспитание.

Дайте самой маленькой девочке куклу, и она начнет баюкать ее и укладывать спать (самые большие неприятности у детей связаны с укладыванием в постель), а может быть, задерет ей платице и начнет шлепать, приговаривая: «Ата-та, ата-та! Ты почему не слушаешься?»

Мама возвращается с сынишкой из детского садика и ведет неторопливую педагогическую беседу:

– Мишка все игрушки разбросал, раскидал. Что мы с ним сделаем?

– Отлупим, – равнодушно отвечает мальчик.

Мама – интеллигентная женщина, современная, она оглядывается: вдруг кто-нибудь услышал?

– Ну зачем же так – «отлупим», – говорит она неуверенно.

– А вы меня лупите? – возражает мальчик. – Лупите. И его отлупим.

– Ну, мы тебя лупим, когда ты упрямисься...

– И он упрямится, – говорит мальчик.

Ему пять лет, но он точно знает, как надо воспитывать. Человеку еще расти и расти, а воспитание будущего воспитателя уже закончено.

Но вера есть вера. Она необходима, она и опасна. Убеждения, воспринятые в раннем детстве, это не перчатка на руке, а сама рука; люди крайне неохотно расстаются с убеждениями даже тогда, когда совершенно очевидно, что они не отвечают жизни. Вера обладает свойством укрепляться даже при столкновении с опровергающими фактами.

Отец слишком строг с ребенком; маленький превратился в зверька, стал неуправляемым, а отцу кажется, что он еще и недостаточно строг. Он винит жену, тещу, ребенка, самого себя винит, но ему и в голову не приходит, что виноваты его убеждения. Он и знать не знает, что

у него есть какая-то педагогическая вера и что она может быть совсем другой, что ее можно сменить.

Это объясняет, отчего одним людям советы по воспитанию идут впрок, а другим нет. Если советы противоречат вере отца или матери, то, конечно же, в них не будет толку. Это все равно что советовать японцу есть только вилкой, а европейцу – палочками. Педагогический совет хорош лишь в том случае, если он отвечает нашей вере.

Все начинается с веры!

Педагогическая наша вера сложилась очень давно и передавалась из поколения в поколение, чтобы новые родители, не имеющие собственного опыта, все же могли уверенно воспитывать детей. Она сложилась в условиях, когда действовала безотказно – иначе она не выжила бы.

В этом разгадка почти всех педагогических загадок. Вера – прежняя, здравый смысл – прежний, но условия в последние десятилетия изменились до неузнаваемости. Века и века было одно, и вдруг стало совсем другое – настоящая революция в педагогических обстоятельствах, которую многие из нас не заметили и не могли заметить.

Начать с того, что в давние времена сын крестьянина, как правило, становился крестьянином, а сын купца – купцом. Девушка не искала жениха – его находили родители, молодой человек не искал невесту – это было дело свахи, а затем «стерпится – слюбится». И в каком месте жить, в каком селе или городе – тоже решала жизнь, судьба, а не сам человек. От человека же требовалось послушание жизни точно так же, как требовалось от него послушание отцу, поскольку отец был руководителем хозяйства, предприятия по производству и отчасти продаже продуктов, а на предприятии дисциплина – главное.

Образ воспитания отвечал образу жизни. От выросшего сына требовали послушания, но ведь ему и давали: дом, или наследство, или приданое для обзаведения хозяйством, давали профессию, давали готовый образ жизни – ему не приходилось выбирать, не нужно было выбирать.

Теперь, как и прежде, говорят: «Слушайся, слушайся!», а потом – иди, сам строй свою жизнь, будь активным и самостоятельным человеком. А если сын попросит помощи, то на весь мир жалуются – ну и дети пошли, до пенсии им помогай!

Теперь, как и прежде, смотрят за девушкой: ни-ни! Рано тебе о любви думать, сиди дома и делай уроки. Но жениха ей искать не станут, а еще и упрекнут с возрастом: другие-то все уже замужем, а ты?

Образ воспитания расходится с образом жизни. Мы ждем от выросших детей то, чего не дали им в детстве. Не сеяли, а приехали с жаткой.

Вырастает молодой человек, которому предстоит выбрать профессию (и все кругом говорят о призвании), выбрать жену (и все кругом – о любви), выбрать образ жизни (и все – о свободе) – у него совершенно другой внутренний мир, другие представления о жизни, а воспитывали его методами, выработанными тысячу лет назад...

Что же может получиться из такого воспитания?

Нынешний ребенок живет в мире соблазнов, каких прежде люди не знали. Все соблазн: и одежды подружки, и машина, на которой друга привозят в школу, и возможность уйти из деревни в город...

Соблазны! Да еще какие... Мальчик идет из школы домой, заглядывается на витрины радиомагазина и видит системы стоимостью в десять, двадцать отцовских зарплат. Кто их покупает? Почему не мы? Разговаривая с таким мальчиком, приходится прибегать к доводам, которых не знали еще десять – двадцать лет назад. А мы их знаем, эти доводы? Мы их ищем?

При росте, при перемене благосостояния надо быть очень бдительными – как отразится эта перемена на детях?

Сейчас не лучше, не хуже, а по-другому. На каждые условия должно быть свое воспитание. Но у многих из нас нет даже идеи о том, что воспитание может быть разным, что оно должно меняться.

Надо отказаться от представлений, созданных в других условиях, и использовать преимущества нового времени.

Изменился взгляд на людей, на самих себя, он приблизился к правде. Появилась свобода в поведении, в выборе профессии.

Условия воспитания стали хуже, если его целью является послушание сначала родителям, потом – жизни. Приучить ребенка к послушанию стало почти невозможно. Но условия воспитания сильно улучшились, если целью являются добрые, честные, самостоятельные, счастливые люди – и неправильно было бы не замечать этого и не ценить.

III. Очевидное – неочевидное. От чего зависит результат наших педагогических усилий

Воспитание духа

Обычно люди хотят, чтобы на их вопрос «Как воспитывать ребенка?» отвечали за десять-пятнадцать минут. На шестнадцатой минуте им начинает казаться, что они и без того многим пожертвовали для своих детей. А главное, люди хотят, чтобы единственными виновниками наших педагогических провалов считались дети.

Если вырос неудачный, с точки зрения родителей, сын, то они, родители, готовы признать, что мало смотрели за ним или слишком сильно тратились на него – баловали, но все с недовольным видом замолкают и отворачиваются, когда им говорят, что они вообще не могут воспитывать детей, что какого ребенка им ни дай, хоть ангела во плоти, они вырастят нечто ужасное.

Кому это может понравиться?

Но что поделать, если мир устроен именно так и есть немало людей, которым, несмотря на их добропорядочность и заботливость, лучше бы все-таки не подходить к детям?

Граница между хорошими и дурными воспитателями лежит не в затратах времени, не в том, что одни больше занимаются детьми, а другие меньше; и не в том, что одни строги и требовательны, а другие добры и нежны – нет, эти две обычно называемые причины почти ничего не объясняют. Установлено, что строгое или мягкое воспитание не влияет на отметки ребенка в школе. Между двумя этими величинами (строгость и отметка) не удалось обнаружить связи.

От чего же тогда зависит результат наших педагогических усилий?

От нашего духа. От духовности воспитателей.

Но придется хоть коротко объяснить это главное педагогическое понятие – «дух». «Духовная жизнь» или «духовные интересы» пишут все, но что такое дух?

Все люди говорят или правду, или неправду. Неправду говорят или нечаянно, или с целью, или по привычке, или по вынужденным обстоятельствам. Но во всех случаях неправду стараются выдать за правду, и почти никогда не бывает обратного. Никто не выдает правду за ложь. Точно так же редко выдают добро за зло, хотя обратных случаев сколько угодно.

Из этих детски простых, очевидных фактов можно сделать и неочевидные выводы. А именно: человечеству в целом, а каждому человеку в той или иной степени свойственно стремление к правде, добру и красоте. Все желания людей можно разделить на конечные (приобрести, сделать, сделаться) и бесконечные. Бесконечные желания, а лучше сказать, стремления к добру, правде и красоте – это и есть человеческий дух. Дух – это стремление. Стремление к бесконечному. Стремление, полученное нами от народа, человечества. Дух вырабатывался всей историей человечества. Случись ядерная катастрофа, погибнет не только человек, но и дух человеческий. Он не передается по наследству, его нет в генах, он и не самозарождается, он воспринимается развивающимся человеком из обычаев, из культуры, но особенно из языка. Несмотря на самые разительные национальные отличия в воспитании детей, все взрослые люди всех народов принципиально равны с духовной точки зрения, потому что в основе всех форм народного воспитания лежит передача одного и того же духа – передача ребенку стремления к добру, правде и красоте. Бездуховный тот, у кого одни лишь конечные желания.

Таким образом, обычное представление о воспитании должно быть перевернуто. Считается, что в обществе есть нормы поведения и воспитание состоит в том, чтобы ребенок усвоил

эти нормы и, научившись обуздывать себя, жил, не переступая через них. Воспитание и самовоспитание сводятся к обузданию и самообузданию.

Я думаю прямо противоположным образом. Я думаю, что человек, вырастая, проникается общечеловеческим духом правды, добра и красоты и потому живет по высоким нравственным нормам, даже и не интересуясь ими, как не интересуется обыкновенный человек Уголовным кодексом. Человек обладает бесконечным духом и потому он выше норм. Наоборот, общечеловеческие нормы – выражение общего стремления к правде, добру и красоте. Иначе откуда бы они взялись?

Религиозного человека может обидеть такое понимание слова «дух», в его представлении дух – святое, божественное. Но будьте, пожалуйста, милостивы к детям, которые воспитываются вне религии, – их не так уж мало на земле. В конечном счете различаются лишь представления о происхождении духа; но что воспитание человека без воспитания духа невозможно – об этом, на мой взгляд, спорить нечего.

Чем больше духовности, то есть чем больше стремления к правде, добру и красоте в окружении ребенка, тем лучше он становится. Чем выше духовность в народе и обществе, тем легче воспитывать детей.

До свадьбы заживет

Маленький ребенок разбил коленку и хнычет. Мама могла бы сказать ему: перестань! Не хнычь! Ты мне надоел! Стыдно плакать, ты ведь мальчик! Ты уже большой!

Но мама гладит маленького по голове, дует на его коленку и приговаривает: «Ничего, ничего, до свадьбы заживет». Мама совершает великое воспитательное таинство.

Одно из самых важных нравственных понятий, без которого и мыслить воспитания нельзя, еще не восстановлено в правах. Многие родители, по моим наблюдениям, не понимают его важности.

Речь идет о вере, о необходимости во что-то верить и о нашей нравственной обязанности во что-то верить.

Выпустить в жизнь человека, который ни во что не верит, – значит породить или несчастного, или опасное для окружающих существо. Истинная, глубинная причина большей части преступлений, особенно в юности, состоит в неверии ни во что. Нет веры – значит, нет нравственных оснований и, значит, все дозволено. Точно по Достоевскому. Безверие – не скептицизм, это просто пустота. Не человек, а манекен, оснащенный человеческой силой, человеческой хитростью, снабженный человеческим обликом – но без души. Манекен, способный на что угодно, на любую подлость и жестокость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.